

«Женитьба Белугина»

«Женитьба Белугина» прежде всего антидворянская пьеса, каких немало у Островского. В частности, она сильно напоминает «Бешеные деньги», где приблизительно та же сюжетная канва.

Но есть между этими пьесами и существенная разница. Если в «Бешеных деньгах» власть чистогана показана в ее оголенном виде, то в «Женитьбе Белугина» четкость социологического рисунка осложнена наличием некоторых чисто человеческих мотивов, окрашивающих образ и поведение главного героя. Известно, что жадные поиски человечности, не покрываемой денежными отношениями, и пламенная пропаганда ее составляют самую душу драматургии Островского, ее подлинный пафос. Известно также, что у Островского, как писателя правдивого и глубоко народного, носителями нравственного благородства выступают обычно люди социально «малые», неимущие: мещанин Кулигин («Гроза»), мелкий чиновник Жадов («Доходное место»), актер Несчастливцев («Лес») и др. Но, подобно Мольеру, Островский брал свое добро отовсюду, где его находил. (Мольер говорил о своих сюжетных заимствованиях, но применяя эту формулу к Островскому, «добро» можно понимать и как моральную категорию). Вот почему, если проблески искомой человечности Островский обнаруживал иногда в каком-нибудь купце, он и его делал в какой-то мере положительным героем, особенно по сравнению с разложившейся дворянской средой. О, конечно, Белугин уже достаточно развращен своим богатством: недаром он так часто и с таким хвастовством похлопывает по своему толстому бумажнику.

Но в нем пока не все еще погибло. В противоположность Василькову из «Бешеных денег», у которого все основано на холодном расчете и «бюджете». Белугин одержим своей страстью к Елене, любит ее «без ума, без памяти» и ради нее отказывается от богатой купеческой невесты. Он рыцарски оберегает честь своей возлюбленной от всяких нареканий, а когда узнает, что она его обманывает, становится страшен в своем гневе, готовый убить ее и соперника, «зажечь свой дом и броситься в огонь». Словом, Белугин широк, размашист, прям и искренен,

и в нем есть что-то от «купца Калашникова», недаром Елена называет его «русским Молодцом». Как известно, до половины XIX века эволюция русского купечества протекала настолько медленно, что бытовая и психологическая дистанция, отделявшая белугиных от их сословных предков XVI – XVII вв., была не очень значительной. Позднее этот тип пошел на быстрое, катастрофическое вымирание и уже в то время, когда появилась комедия (1878 г.), воспринимался как редкость, как анахронизм. Недаром циник Агишин удивляется насчет Белугина: «Да-с, и вот этот Андрюша – миллионер... А какая жалость, какая деликатность чувств! Явление замечательное в настоящее время...»

Разумеется, моральное «цветение» этого Андрюши, как и всякий анахронизм, крайне непрочно и эфемерно. Ведь, собственно говоря, уже и теперь, когда в нем бушуют «стихии», подспудной базой его «широты» и решительности является его миллионное состояние – иначе, где бы ему, «неотесанному», и возмечтать о такой «кравле», как Елена? А дальнейшая судьба Андрея Белугина и вовсе predetermined: быстро пройдет для него его романтический период «бури и натиска», он утомится, пойдет по стопам своего отца-толстосума, займется вплотную своей фабрикой и станет верным сыном своего класса, т. е. буржуазии, которая «оставила между людьми только одну связь – голый интерес, бессердечный «чистоган...» («Коммунистический манифест»). Показ того, как даже наиболее благодарный человеческий материал обрекался в условиях капиталистического общества на искажение и гибель – таков для советского зрителя смысл этой талантливой пьесы, не считая основного ее плана, показывающего, как в свое время дворянский герб побеждался купеческим кошельком.

Постановку «Женитьба Белугина» на сцене областного драмтеатра следует признать добротной постановкой. Пьеса трактуется в основном правильно и смотрится с большим интересом, (постановщик С. М. Судьбинин). Хорош в роли Белугина-отца Строганов, сумевший скупыми, но меткими штрихами, равно как и всем своим обликом, дать стильный и законченный образ старозаветного купца крепкой домостроевской складки.

Легко и без нажимов, но с подлинным вкусом и чисто художественным тактом играет Садовская (мать Елены), давшая тип комильфотной и наивно-безнравственной барыньки времен дворянского декаданса.

Эффектна и достаточно притягательна, чтобы «кружить голову» обоим своим партнерам, Озорнова в роли Елены, хотелось бы только, чтобы в ее выразительной игре было поменьше напряженности, побольше легкости и эластичности.

Явно тяжеловат для светского фата Грауэрт. Он, правда, неплохо ведет свою роль змия-искусителя, совращающего молодую женщину на путь «делок с совестью», но он недостаточно «обольститель» сам по себе, чтобы вызывать в ней страстное влечение персонально к нему.

Судьбинин, располагающий всеми данными для роли Андрея Белугина, ведет ее ярко и темпераментно. Но вызывает возражение его поведение во II и III актах. Разумеется, необычайный для Белугина роман как-то выбивает его из колеи, но Белугин-Судьбинин заметно «перегибает» в показе этой своей дезорганизованности. И дело тут не только в утрате чувства меры. Гораздо хуже, что в этом обилии лишних жестов и движений, долженствующих выразить «неловкость» неожиданно счастливого жениха, иные проделываются в сущности довольно ловко (технически ловко) и тем самым производят впечатление умышленных «трюков», цель которых может быть только одна: позабавить зрителя сверх того естественного комизма, который присущ Белугину в данном положении. К чему, например, это подобие физкультурного номера перед объяснением в любви или эта «иллюстративная» манипуляция, когда Белугин сообщает Елене, что он «покончил» с прежней невестой? Не совсем ладно звучит и двукратный хохоток «под Митрофанушку». Подобные излишества несколько портят хорошую игру Судьбинина и вносят в создаваемый им образ какое-то искажение, которое выправляется лишь с IV акта, когда артист вновь находит себя и когда игра его вновь становится более собранной и сценически более строгой, достигая местами (там, где это нужно) настоящих драматических высот.

Исполнители, дублирующие второстепенные роли, приблизительно равноценны, но из двух Сыромятовых предпочтение нужно отдать Павлову.

Прекрасно с безукоризненным вкусом сделана гостиная в доме Карминых; хороши также «пейзажи» былой купеческой Москвы, виднеющиеся из окон (Худ. Д. Н. Фомичев).

Н. Прянишников